

II.

А. Н. Радищевъ, какъ философъ.

О если то не ложно,
Что мы по смерти будемъ жить!..

...Кончины узримъ всѣ чертогъ,
Объять кровавыми струями:
Предъ вѣкомъ смерть сулилъ намъ Богъ;
Ея вершится все устами
Въ мірѣ семъ.. .

...Я, если прегрѣшилъ,
Законъ я Твой искалъ, въ душѣ
Тебя любилъ:
Не колебаясь, на вѣчность я взираю.

(Изъ стихотвореній Радищева).

„Литературная извѣстность Радищева создана его „Путешествіемъ“. „Всѣ хвалебные отзывы о Радищевѣ, какъ о писателѣ, опередившемъ свой вѣкъ, основываются, главнымъ образомъ, на „Путешествіи“ (и на трудахъ въ законодательной комиссіи)“, справедливо замѣчаетъ его біографъ, *М. И. Сухомлиновъ* ¹⁾.

---

¹⁾ Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, т. I, СПб, 1889, стр. 541 и 616.

Имя Радищева такъ тѣсно связано съ его „Путешествіемъ“, что почти всѣ пишущіе и писавшіе о немъ (исключая Пушкина) какбы позабываютъ о существованіи его другихъ, довольно многочисленныхъ и разнообразныхъ произведеній и основываютъ свою характеристику, преимущественно, лишь на одной этой знаменитой книгѣ. 6 томиковъ другихъ его сочиненій представляютъ собою еще совсѣмъ неразработанный историко-литературный матеріалъ.

Ни общественное, ни историко-литературное значеніе Радищева еще не установлено. Историки литературы либо забываютъ его, либо отдѣлываются парюю строчекъ. А между тѣмъ и въ русской, да, пожалуй, и во всей европейской литературѣ трудно указать много такихъ типическихъ и крупныхъ представителей сентиментализма, какъ именно Радищевъ.

Оставляя въ сторонѣ „Путешествіе“, надъ которымъ тяготѣеть до сихъ поръ такая неблагопріятная судьба, мы найдемъ много интереснаго и поучительнаго въ его прочихъ сочиненіяхъ, какъ справедливо указывалъ *Пушкинъ*, впервые пытавшійся сказать о Радищевѣ нѣсколько словъ, и негодовавшій на пропускъ Радищева въ обзорахъ литературы, *Пушкинъ*, видѣвшій (въ началѣ) свои права на безсмертіе въ томъ, что „вслѣдъ Радищеву возславилъ свободу“.

Мы не станемъ излагать біографію А. Н. Радищева,— и за подробностями его внѣшней жизни отсылаемъ къ монографіи *М. И. Сухомлинова* „А. Н. Радищевъ“¹⁾, являющейся до сихъ поръ самою полною и самою лучшею.

Въ настоящемъ этюдѣ мы намѣрены заняться философскимъ произведеніемъ Радищева. Какъ извѣстно, многосторонній Радищевъ написалъ большой и почтенный философскій трудъ,—одно изъ первыхъ оригинальныхъ философскихъ про-

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 541—671.

изведеній на русскомъ языкѣ въ XVIII вѣкѣ. Этой стороны дѣятельности Радищева, сколько я знаю, никто еще не касался.

Упомянутый трудъ есть разсужденіе „*О человекѣ, о его смертности и безсмертіи*“, занимающее II и III томики въ „Собраніи оставшихся сочиненій покойнаго Александра Николаевича Радищева“: часть вторая и часть третья, М. въ типографіи Платона Бекетова, иждивеніемъ издателей. 1809. „Друзьямъ моимъ“. Эпиграфъ *Le tems present est gros de l'avenir. Leibnitz*. Книга первая. Начато 1792 года, генваря 15. Илимскъ. Ч. II—2 титула + текстъ 5—108 + титулъ о человекѣ etc. книга вторая + стр. 111—194. Ч. III. 2 титула (книга третья) + 5—94 + титулъ (книга четвертая) + 97—151. Печатано: „Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета“. Форматъ: 12.

Въ виду того, что сочиненіе издано послѣ смерти наслѣдниками Радищева, и самъ авторъ, повидимому, не придалъ своему произведенію окончательной формы (попадаютъ даже конспекты мыслей вмѣсто изложенія, какъ увидимъ ниже, напр., стр. 99—100, 132 и др.), то нѣкоторыя мѣста редактированы дурно и неправильно.

Прежде чѣмъ перейти къ ознакомленію съ трудомъ Радищева, необходимо разсмотрѣть ходъ его философскаго образованія. Радищевъ, несомнѣнно, былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей въ Европѣ конца XVIII в. Онъ зналъ съ одинаковою шириною и глубиною взгляда социальныя, юридическія, какъ и естественныя науки; въ этому надобно присоединить еще отличное знаніе литературъ европейскихъ и литературы отечественной. Своими знаніями Радищевъ былъ обязанъ какъ заграничнымъ занятіямъ въ Лейпцигѣ, такъ и неустанному собственному труду. Интересно, какъ, гдѣ и подъ чьимъ руководствомъ онъ изучалъ философію.

Первоначальное образованіе Радищевъ получилъ въ Россіи. Дома онъ учился по Часослову и Псалтири, потомъ у француза (бѣглаго солдата). Зато, когда онъ перешелъ въ домъ своего родственника Мих. Ѳед. *Аргамкова*, А. Н. воспитывался вмѣстѣ съ его дѣтьми подъ руководствомъ эмигранта, образованнаго француза, а также пользовался уроками профессоровъ и преподавателей Московскаго университета. Аргамковъ же записалъ его при коронаціи Екатерины II въ пажи и отправилъ его для продолженія образованія въ Пажескій корпусъ ¹⁾.

Къ тому времени, когда Радищевъ состоялъ пажемъ, от-

---

¹⁾ Воспоминанія его сына *Николая Александровича Радищева*, въ «Русской Старинѣ» за 1872 г., т. VI, стр. 574.

носятся планъ для обученія пажей, составленный академикомъ Герардомъ Фридрихомъ *Миллеромъ*—1765 г. Пунктъ 2-й этого плана упоминаетъ, что для обученія пажей потребенъ „учитель *философiи*, морали, естественнаго и народнаго права. Для лучшаго же упражненія можно все сіе преподавать на латинскомъ языкѣ“¹⁾. „И обиліе предметовъ, и нравственное наблюденіе существовали на бумагѣ, въ планахъ и проектахъ, а какъ было въ дѣйствительности, это—другой вопросъ, и судя по многимъ даннымъ, дѣйствительность представляла малоутѣшительнаго“, заключаетъ Сухомлиновъ.

Второй періодъ образованія Радищева начинается съ посылки его, въ числѣ 12 другихъ молодыхъ людей для образованія въ Лейпцигскій университетъ.

Молодымъ людямъ приходилось учиться при очень скверныхъ условіяхъ, о чемъ подробно рассказываетъ самъ Радищевъ въ „Житiи“ своего товарища *Ушакова*, и что подтверждено оффиціальными документами. Но русскіе студенты жили, повидимому, дружною семьей, и несмотря на различныя увлеченія, въ общемъ занимались дѣломъ. Среди нихъ особеннымъ авторитетомъ пользовался по лѣтамъ старшій *Ө. В. Ушаковъ*, служившій еще до посылки за границу чиновникомъ. Онъ бросилъ выгодную карьеру ради науки и своимъ неослабнымъ научнымъ рвеніемъ служилъ для прочихъ (особенно, для Радищева) примѣромъ. Ушаковъ интересовался философіею и въ этомъ направленіи вліялъ въ числѣ прочихъ и на Радищева.

Въ первые годы, 1767 по 1769 г. русскіе студенты обучались: *логикъ* и т. д.²⁾.

Въ 1769 г. знаменитости Лейпцигскаго университета,

---

¹⁾ Сухомлиновъ, стр. 543—544. Государственный Архивъ XIV, № 216.

²⁾ Тамъ же, стр. 546.

профессора *Гоммель*, *Бемз* и др. составили планъ обученія русскихъ студентовъ, распределенный на 4 семестра, по истеченіи которыхъ студенты должны были возвратиться въ отечество ¹⁾: 1) по первому и второму пункту инструкціи нужно истолковать всю *практическую философію*.

Черезъ 1^{1/2} года по пріѣздѣ нашихъ студентовъ въ Лейпцигъ отзывались объ ихъ успѣхахъ такимъ образомъ: „Всѣ генерально съ удивленіемъ признаются, что въ толь короткое время они оказали знатные успѣхи и не уступаютъ въ знаніи самымъ тѣмъ, которые издавна тамъ обучаются. Особливо же хвалятъ и находятъ отмѣнно искусными: во первыхъ—старшаго *Ушакова*, а по немъ *Янова* и *Радищева*, которые превзошли чаяніе своихъ учителей“ ²⁾.

„Намъ предписано было учиться всѣмъ частямъ философіи и правамъ, присовокупя къ онымъ ученіе нужныхъ языковъ.... И такъ, когда по общему школьному обыкновенію начали насъ учить прежде всего логикѣ, то *Θ. В. (Ушаковъ)* читалъ *Арново* искусство мыслить и основаніе философіи *С' Гравезанда* и, соображая ихъ мнѣнія со мнѣніями своего учителя, старался отыскать истину въ средѣ различія оныхъ“ ³⁾.

---

¹⁾ Стр. 547.

²⁾ Письмо князя Бѣлосельскаго, изъ Дрездена, 29 апрѣля (10 мая) 1768 г. (Сухомлиновъ, стр. 547).

³⁾ Стр. 64,65 въ «Житія Ушакова» (V т. ост. соч. Радищева). *Арно—L'art de penser* и *Гравезанда Institutiones* (см. ниже, стр. 64).

Антуанъ *Арно* (1612—1694), авторъ четвертыхъ возраженій на Декартовы „Медитаціи“, составилъ (вмѣстѣ съ Николемъ) компендіи логики, служившій учебникомъ въ *Port—Royal*.

Antoine Arnauld род. 6 февр. 1612 г. въ Парижѣ и былъ сынъ адвоката, защищавшаго въ 1594 г. въ парламентѣ Университетъ противъ іезуитовъ. Подъ вліяніемъ аббата *Saint-Cyran*, директора аббатства *Port-Royal*, Антуанъ пошелъ не по юридической, а по церковной каррьерѣ. Послѣ богословскихъ штудій Антуанъ въ 1643 г. былъ причисленъ къ докторамъ Сорбонны. Но въ томъ же году его книга *Fréquenté Comunion*, своею суровостью противопоставившаяся послабляющей морали іезуитовъ, навлекла на него такую ненависть, что несмотря на поддержку Университета, парламента и части духовенства, Арно принужденъ былъ скрыться бѣгствомъ. Съ этого момента жизнь Арно протекаетъ въ борьбѣ, въ преслѣдованіи, въ изгнаніи. Въ 1656 г. Сорбонна въ противность всякимъ законнымъ формамъ вычеркнула его имя изъ своихъ списковъ за поддерживаніе янсенистскихъ положеній. Перемиріе между партіями въ 1668 г. доставило Арно нѣсколько лѣтъ покоя. Но уже въ 1679 г. преслѣдованія со стороны Парижскаго архіепископа *François de Harlay*, личныя опасенія Луи XIV и строгости противъ Порройяля принудили Арно покинуть родину. Онъ напрасно искалъ себѣ убѣжища въ Гентѣ, въ Брюсселѣ, въ Антверпенѣ, но, несмотря на преклонный возрастъ, болѣзни и опасность, продолжалъ писать.

и бороться. Онъ умеръ въ Люттихѣ 8 августа 1694 г.— на 83 году отъ роду. По числу сочиненій, по глубинѣ богословскихъ познаній, по твердости характера и чистотѣ нравовъ Арно—одна изъ звѣздъ галликанской церкви; герой янсенизма, безстрашный противникъ іезуитовъ, точный и строгій мыслитель, онъ не отсталъ бы отъ своихъ соперниковъ и учителей— и въ философіи, если бы другія заботы, занятія и иная борьба не наполняли его жизнь и не поглотили этотъ мужественный разумъ (стр. III).

Полное собраніе сочиненій Арно вышло въ Лозаннѣ, 1775—1781 въ 42 томахъ in 4°; въ немъ нужно присоединить еще 2 тома *Traité de la Perpétuité de la Foi* и 1 томъ жизнеописанія автора.

„Логика“ Арно, появившаяся въ 1662 г., возникла вслѣдствіе взятаго Арно на себя обязательства представить учебный курсъ логики въ 3 раза меньшее время, чѣмъ 2 недѣли, въ теченіе которыхъ какой-то преподаватель научилъ логикѣ одного изъ собесѣдниковъ Арно. Въмѣстѣ съ *Nicole*'мъ Арно принялся за работу и менѣе, чѣмъ въ недѣлю, поспѣло „Искусство мыслить“ для молодого герцога Н. de *Chevreuse*. По свидѣтельству Расина (стр. XI, прим.), *les (2) discours* и прибавленія принадлежатъ Николю, участвовавшему и въ составленіи первыхъ частей: IV часть—о методѣ принадлежитъ одному Арно.

Французскіе ученые такъ характеризуютъ „Логикѣ“ Арно и Николя.

Логикѣ Порройяля возобновили логику Аристотеля и схоластики съ картезіанской точки зрѣнія. Ихъ славное произведеніе вышло совершенно *французскимъ*—по ясности мысли, стиля и желанію быть пріятнымъ. Книга Арно и Николя не изъята отъ предразсудковъ; она въ нѣкоторомъ смыслѣ есть полемическое произведеніе. Но ихъ трудъ остается образцомъ практическаго руководства и принесъ свою долю для

освобожденія духа новаго времени. „Логика“ Порройяля распро-
странила въ публикѣ доктрины Бэна и Декарта. „Логика
есть искусство хорошо руководить своимъ разумомъ въ по-
знаніи вещей, одинаково и чтобы самому научиться, и чтобы
научить другихъ“. Она раздѣляется на столько же частей,
сколько есть операцій духа: мы можемъ понимать (*comprevoir*),
судить (*juger*), рассуждѣть (*raisonner*) и располагать (*or-
donner*). Поэтому въ логикѣ и 4 части: 1) о идеѣ, 2) о суж-
деніи, 3) объ умозаключеніи (*raisonnement*) и 4) о методѣ ¹⁾.

Oeuvres philosophiques d'Arnauld были изданы съ введе-
ніемъ и примѣчаніями С. Jourdain'емъ, Par., 1843, и заклю-
чаютъ въ себѣ: *Objections contre les Méditations métaphysi-
ques de René Descartes* 1—18, *La logique ou l'art de penser*,
21—339 и *Des vraies et des fausses idées* 347—531.

---

¹⁾ *Paul Janet et Gabriel Séailles, Histoire de la philosophie. Les problè-
mes et les écoles, ч. I, III, глава III, стр. 527—528.*

Что касается другого автора, то Guillaume-Jacob S' *Gravesande*, голландскій математикъ и философъ, род. въ Bois-le-Duc въ 1668 г, умеръ въ Лейденѣ въ 1742 г. Еще 19 лѣтъ онъ издалъ *Essai sur la perspective*; его отчеты о современныхъ научныхъ открытіяхъ и философскія диссертациі въ *Journal de la république des lettres* обратили на него вниманіе. Въ качествѣ профессора при Лейденскомъ университетѣ онъ распространялъ идеи Галилея и Ньютона. Развивая новые методы, и пропагандируя ихъ своими ясными и удобопонятными лекціями, онъ много способствовалъ успѣхамъ физическихъ наукъ. Оптика и физика обязаны Сен-Гравезанду большимъ числомъ остроумныхъ аппаратовъ; есть, напр., кольцо (носящее его имя и), доказывающее расширеніе твердыхъ тѣлъ подъ вліяніемъ теплоты; по его идеѣ устроенъ былъ первый гелиостатъ; точно также замѣчательны его соображенія о гномоникѣ въ связи съ перспективой.

Главнѣйшіе труды Гравезанда: *Physices elementa mathematica experimentis confirmata, sive introductio ad philosophiam newtonianam* (La Haye, 1720, 2 тома in 4°); есть франц. переводъ *Joncourt'a* 1737 г. Сокращеніе этого труда: *Philosophiae newtonianae institutiones* (Лейденъ, 1723). *Introductio ad philosophiam, metaphysicam et logicam* (Лейденъ, 1736); франц. пер. Жонвура, тамъ же, 1737.

Его труды были собраны и изданы въ 2 томахъ in 4° въ Амстердамѣ въ 1774 г.: *Oeuvres philosophiques et mathé-*

matiques. Философскія воззрѣнія Гравезанда были заимствованы у Декарта, Лейбница, Локка и носили эклектическій характеръ.

„Самымъ популярнымъ профессоромъ въ Лейпцигѣ былъ *Платнеръ*, читавшій *философію* и *фізіологію*. Онъ настаивалъ на общеніи науки съ жизнію, съ ея насущными потребностями и въ лекціяхъ своихъ затрагивалъ соціальныя вопросы, подвергалъ критикѣ существующіе законы и общественныя порядки, указывалъ вопіющую неправду въ отношеніяхъ между бѣдными и богатыми, сытыми и голодными и т. п. Но въ преподаваніи Платнера былъ весьма важный недостатокъ: оно не отличалось послѣдовательностью, а потому и не приучало слушателей къ строго-систематическому мышленію“¹⁾. Такъво сужденіе Сухомлинова, вѣроятно, откуда-либо заимствованное и не совсемъ справедливое. Личность Платнера настолько замѣчательна, и его преподаваніе произвело такое впечатлѣніе на Радищева (несомнѣнно, что именно Платнеру, а не кому другому обязанъ Радищевъ превосходнымъ знаніемъ естественныхъ наукъ, какое онъ обнаружилъ въ своемъ трудѣ „О чело-вѣкѣ“, какъ и Платнеру же обязанъ привычкой къ философскому анализу), что на немъ стоитъ остановиться.

Биографію Платнера, говоритъ историкъ нѣмецкой психологіи *Max Dessoir* (*Dessauer*), можно изобразить короче, нежели его положеніе въ исторіи психологіи²⁾. Платнеръ происходилъ изъ старой лейпцигской профессорской семьи. *Ernst Platner*, младшій сынъ *Johann Zacharias Platner'a*, родился 11 іюня 1744 въ Лейпцигѣ, учился тамъ же медицинѣ

---

¹⁾ Стр. 549.

²⁾ Стр. 321 въ *Geschichte der neueren deutschen Psychologie*, II Aufl. 1897, I Halbband.

съ 1762 г.; въ 1766 сталъ магистромъ, въ 1767 г. Dr. med. и доцентомъ, а въ 1770 послѣ долгаго научнаго путешествія по Франціи и Германіи экстраорд. проф. медицины при Лейпцигскомъ университетѣ. Въ 1780 г. получилъ орд. проф. физиологіи, и въ 1790 г. сталъ постояннымъ деканомъ медицинскаго факультета и оставался въ этомъ званіи до 1810 г., когда онъ сложилъ съ себя деканатъ, соединявшійся тогда со званіемъ старѣйшаго члена факультета. Деканатъ сталъ переходить между другими членами, Платнеръ же удержалъ за собою званіе prof. primarius, (какого никто не имѣлъ ни до, ни послѣ него)—до самой смерти 27 декабря 1818 г. Онъ считался однимъ изъ лучшихъ учителей своего времени. Къ сожалѣнію, онъ умеръ сумасшедшимъ.

Его естественнонаучныя работы въ области медицины касались, преимущественно, антропологіи, физиологіи, судебной медицины; эти труды, по большей, части, академическія программы, собраны въ *Opuscula academica edidit C. G. Neumann*, Brln, 1824 (къ нему прил. полный указатель сочиненій Платнера, включая его переводы съ французскаго), *Quaestiones medicinae forensis* (стр. I—XLIII, Lpz. 1797—1817, нѣмецкій перев. *K. E. Hedrich*, тамъ же 1820, переиздано *Ludw. Choulant*, тамъ же, 1824, подъ заглавіемъ *Quaestiones medico-forenses et medicinae studium octo semestribus descriptum, Quaestionum physiologicarum libri duo, praeced. prooemium tripartit. de constituenda physiologiae disciplina*, ib, 1794—*Vermischte Aufsätze über med. Gegenstände*, ib, 1796, —*Vindiciarum sententiarum probabilium per systematis condendi festinationem de physiologia resectarum* (I, Fermenta, II, Calidum innatum, III, Parenchyma, IV, Appetitus naturalis—ib, 1791, 1792). и *Supplementa in Ioh. Zach. Platneri Institutiones chirurgiae* (P. I, Lpz, 1773, нѣм. пер. 1776).

О Платнерѣ писали *Wenck*, *Oratio secularis*, Lpz, 1810, стр. 71, *Denkmäler verdienstvoller Deutscher des 18. u 19.*

Jahrhunderts, 3 Bändchen, Lpz, 1829, p. 57 (съ портретомъ), *Meusel*, VI, p. 117. *Biogr. méd.*, VI, p. 434. *Dict. hist.* III, p. 725.

Читая наряду съ физиологією и философію, Платнеръ официально сдѣлался экстраординарнымъ профессоромъ философіи въ 1801 г., и скоро получилъ по философіи также ординатуру. Но его силы стали слабѣть, такъ что уже въ 1809 г. саксонское правительство вынуждено было пригласить въ Лейпцигъ другого профессора философіи.

Главнымъ философскимъ трудомъ Платнера являются его *Philosophische Aphorismen*, состоящія изъ двухъ частей: I.—логика и метафизика, II.—нравственная философія.

„Афорисмовъ“ вышло въ свѣтъ 3 очень отличающихся другъ отъ друга изданія: I изд., I ч.—1776, II ч.—1782; II изд., I ч. 1784, II части не выходило; III изд., ч. I.—1793, 2. II—1800. Затѣмъ интересна и важна его *Anthropologie für Aertzte und Weltweise*, I изд. 1772—1774. Переработка: *Neue A. f. Ae. u. W. Mit besonderer Rücksicht auf Physiologie, Pathologie, Moralphilosophie und Aesthetik* (только) *Erster Band*. 1790. Въ 1783 г. появился *Gespräch über den Atheismus*, въ 1795—*Lehrbuch der Logik und Metaphysik*. Послѣ его смерти были изданы *Mor. Erdmann Engel'* емъ *Vorlesungen über Aesthetik*, Zittau, 1836 Изъ психологическихъ работъ извѣстны: *Progr. II de vi corporis in memoria*, 1767, *Progr. anima quo sensu crescere dicitur*, Lips., 1768, *Progr. de natura animi quoad physiologiam etc*, 1790, *Progr., an ridiculum sit, animi sedem inquirere*, 1795 и т. п.

О философіи Платнера писалъ специально *Arthur Wreschner*, *Ernst Platners und Kants Erkenntnisstheorie mit besonderer Berücksichtigung von Tetens und Aenesidemus*, Halle, 1891 (его же статьи въ *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*), также извѣстный *Heinze*, *Ernst Platner als Gegner Kants*, Lpz, 1880 и уже упомянутый *Дессауеръ*. Эти

труды довольно хорошо освѣтили значеніе дѣятельности Платнера, какъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ современниковъ и критиковъ Канта.

Философское направленіе Платнера ¹⁾ есть скептицизмъ, находившій себѣ точки соприкосновенія сначала (до 1781 г.) съ воззрѣніями *Лейбница*, а позднѣе *Канта*. Въ области этики онъ, какъ и большинство эклектиковъ-моралистовъ въ періодъ „просвѣщенія“, держался эвдемонизма, потомъ подвергся вліянію кантовыхъ воззрѣній. Этические взгляды Платнера таковы. Человѣкъ обладаетъ нравственными способностями: онѣ даютъ ему не только предписывать себѣ нравственный законъ, но и удовлетворяютъ ему, разрѣшая споръ между чувственностью и требованіями нравственности въ пользу послѣднихъ. Объективнымъ назначеніемъ человѣка служить: помогать благополучію (*Glückseligkeit*) міра; человѣкъ вполне можетъ достигнуть этого, если останется вѣрнымъ своему субъективному назначенію: стать истинно добродѣтельнымъ.

Изъ наукъ теоретической философіи Платнеръ считаетъ ²⁾ самую важною—*метафизику*; но прежде всего надобно заниматься *логикою*, подъ которою онъ понимаетъ точное психологическое и критическое изслѣдованіе всей человѣческой способности познанія: сюда же входятъ всѣ изслѣдованія объ ощущеніи, представленіи, вниманіи и т. д. Здѣсь мы часто встрѣчаемся съ преобразованиемъ доктринъ Вольфа. Апперцепція объясняется 4 факторами, каковы: впечатлѣніе въ органѣ души (т. е. въ мозгу), восприниманіе (*das Auffassen*) его и превращеніе въ образъ (*Bild*), признаніе (*Anerkennen*) черезъ отнесеніе воспринятаго къ какому-либо понятію и сознаніе предмета и представляющаго субъекта. Понятіе созна-

---

¹⁾ *Dessoir*, стр. 224.

²⁾ Тамъ же, стр. 225.

нія нигдѣ не изслѣдуется. Внѣшній предметъ какбы даетъ толчокъ концу нерва („внѣшнее впечатлѣніе“) и приводитъ тѣмъ въ движеніе den Nervengeist (тонкую нервную матерію); послѣдняя, достигая мозга, и сообщая движеніе его первой матеріи („второе движеніе“), производитъ „внутреннее впечатлѣніе“ (Eindruck), которое воспринимается душою при помощи вниманія. Разсудокъ (Verstand) признаётъ представленія по ихъ признакамъ, а разумъ (Vernunft) выдѣляетъ (auskennt) понятія, судитъ и умозаключаетъ, убѣждаетъ и сомнѣвается. Платнеръ часто и подробно изображалъ раздраженіе чувствъ предметами, но всякій разъ измѣнялъ свои мнѣнія. Сначала simulacra, настоящія копія внѣшнихъ предметовъ, помѣщаются имъ въ centrum ovale. Потомъ онъ уже самъ считалъ физически невозможнымъ, чтобы „матеріальныя идеи памяти были фигурами и образами въ субстанціи мозга“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всетаки говоритъ объ ихъ „направленіяхъ“: если направленія противоположны, то это де обозначаетъ въ душѣ (seelisch) противорѣчіе.

Въ области психологіи Платнеръ вообще придавалъ большее значеніе помощи медицины и фізіологіи; къ психологіи онъ причислялъ также логику, эстетику и даже большую часть этики ¹⁾.

Перемѣнчивость въ философскихъ воззрѣніяхъ Платнера объясняется могучимъ на него воздѣйствіемъ Канта, сочиненія коего были для него, какъ онъ говоритъ Stoff zum Nachdenken und Reiz zum Widerspruch. Но Платнера нельзя считать кантовцемъ ²⁾: онъ всегда относился къ Канту съ критикою и старался сохранить самостоятельное по отношенію къ нему положеніе. Кромѣ „Критики чистаго разума“, на

---

¹⁾ Dessoir, 226—227.

²⁾ Wreschner, 6.

Платнера повліяли *Philosophische Versuche Tetens'a* и *Aenesidemus G. E. Schulze* ¹⁾.

Въ похвалѣ Платнеру сходятся критики и историки различныхъ эпохъ и направлений. Знаменитый *Буле* называетъ Платнера остроумнѣйшимъ (*geistvollsten*) и ученѣйшимъ изъ новѣйшихъ философовъ и приписываетъ ему заслугу усовершенствованія психологіи и антропологіи путемъ примѣненія анатоміи и антропологіи. *Кругъ* выставляетъ на видъ громадное вліяніе его философскихъ лекцій и сочиненій, которыми онъ принесъ больше пользы для изученія философіи, чѣмъ кто-либо другой изъ философовъ. *Reinhold* очень часто имѣетъ въ виду его сочиненія. Современные рецензенты считали „Афорисмы“ классическимъ произведеніемъ „великаго и многообъемлющаго гения Платнера“ ²⁾. Наконецъ, *Гейнце* выхваляетъ Платнера за его глубокія познанія въ естествовѣдѣніи и за самостоятельное изученіе древности, древней и новой философіи и мѣткую психологическую наблюдательность.

Какова была личность Платнера, и какое онъ производилъ впечатлѣніе, можемъ мы судить по драгоценному свидѣтельству нашего „русскаго путешественника“ *Н. М. Карамзина*, который сохранилъ въ своихъ „Письмахъ“ воспоминаніе о Платнерѣ. Будучи въ Лейпцигѣ, онъ не преминулъ посѣтить главную тамошнюю ученую знаменитость. Платнеръ принялъ его очень любезно и ввелъ его въ свой кругъ знакомыхъ. Карамзинъ, читавшій его труды, прослушалъ его лекцію. Платнеръ хорошо помнилъ своихъ способныхъ русскихъ учениковъ, особливо, *Радищева* и *Кутузова*; онъ старался и Карамзина убѣдить послѣдовать ихъ примѣру и основаться на нѣкоторое время въ Лейпцигѣ

---

¹⁾ Тамъ же, 4.

²⁾ Wreschner, 1—2.

для научныхъ штудій. Приведемъ любопытные рассказы Карамзина, цитируя ихъ по маленькому изданію *Суворина* въ „Дешевой Библіотекѣ“.

Никто изъ Лейпцигскихъ ученыхъ такъ не славенъ, какъ докторъ Платнеръ, Эклектической Философъ, который ищетъ истины во всѣхъ системахъ, не привязываясь особенно ни къ одной изъ нихъ: который, напр., въ иномъ согласенъ съ Кантомъ, въ иномъ съ Лейбницемъ, или противорѣчитъ обоимъ. Онъ умѣетъ писать ясно, и кто хотя нѣсколько знакомъ съ Логикою и Метафизикою, тотъ легко можетъ понимать его. „Афоризмы“ Платнеровы весьма уважаются, и человѣку, хотящему пуститься въ лабиринтъ философскихъ системъ, могутъ они служить Ариадниной нитью. Мнѣ хотѣлось его видѣть, и отъ Г. Бека пошелъ я къ нему (15 іюля 1789 г.). Онъ живетъ за городомъ въ саду. Въ аллеѣ встрѣтилась мнѣ молодая жена его, Вейсеева дочь, и сказала, что Господинъ Докторъ дома. Минуты черезъ двѣ явился онъ самъ—высокій, сухощавый человѣкъ лѣтъ за сорокъ, съ острыми глазами, съ ученою миною и съ величавою осанкою. „Я уже слышалъ объ васъ отъ Г. Клейста“ сказалъ онъ и ввелъ меня въ свой кабинетъ. „Признаюсь вамъ, что я теперь занятъ“, продолжалъ онъ: „мнѣ надобно писать письма, завтра, въ этотъ часъ, прошу васъ къ себѣ“ и проч. Я извинялся, что пришелъ не во время, и кланялся, подвигаясь къ дверямъ.

„Какой, или какимъ наукамъ вы особенно себя посвятили?“ спросилъ онъ.

„Изящнымъ“, отвѣчалъ я, и покраснѣлъ,—знаю, отъ чего,—можетъ быть и вы, друзья мои, знаете (стр. 115).

Нынѣ (іюля 16) поутру слышалъ я Эстетическую лекцію Доктора Платнера.

Эстетика есть наука вкуса. Она трактуетъ о чувственномъ познаніи вообще. Баумгартенъ первый предложилъ ее какъ особливую, отдѣленную отъ другихъ науку, которая—

оставляя Логикѣ образованіе высшихъ способностей нашей, т. е. разума и разсудка—занимается исправленіемъ чувствъ и всего чувственнаго, т. е. воображенія съ его ствіями. Однимъ словомъ, эстетика учитъ наслаждаться имъ.

Превеликая зала была наполнена слушателями, что негдѣ было упасть яблоку. Я долженъ былъ остановиться въ дверяхъ. Платнеръ говорилъ уже на кафедрѣ. Все молчило и слушало. Никакой шорохъ не мѣшалъ голосу Г. Докладъ распространялся въ залѣ. Я былъ далеко отъ него, однако не проронилъ ни одного слова. Онъ говорилъ о великомъ духѣ или о Геніи.

Геній, сказалъ онъ, не можетъ заниматься ничѣмъ, кромѣ важнаго и великаго, кромѣ Натуры и человѣка въ цѣло и такъ Философія, въ высочайшемъ смыслѣ сего слова, естествознаніе и его наука. Онъ можетъ иногда заниматься и другими науками, но только всегда въ отношеніи къ сей; имѣетъ особливую способность находить сокровенныя сходства, аналогію, тайныя согласія въ вещахъ, и часто видитъ связь тамъ, гдѣ обыкновенный человѣкъ никакой не видитъ; и потому человѣку, въ котораго взоръ простирается не далеко, кажется бездѣлкою Лейбницъ, великій Лейбницъ, проѣхалъ всю Германію, Италію, рылся во всѣхъ архивахъ, въ пыли и въ гнили моль-источенныхъ бумагъ, для того, чтобы собрать матеріалы для Исторіи—Брауншвейгскаго Дома! Но проницательный Лейбницъ видѣлъ связь сей Исторіи съ иными предметами, важными для человѣчества вообще.—

Наконецъ во всѣхъ дѣлахъ такого человѣка виденъ особливый духъ ревности, который, такъ сказать, оживляетъ ихъ и отличаетъ отъ дѣлъ людей обыкновенныхъ. Я вамъ поставлю въ примѣръ Франклина, не какъ ученаго, но какъ Политика. Видя оскорбляемыя права человѣчества, съ какимъ жаромъ беретъ онъ быть его ходатаемъ! Съ сей минуты перестаетъ жить для себя, и въ общемъ благѣ забываетъ свое

частное. Съ какимъ рвеніемъ видимъ его текущаго къ своей великой цѣли, которая есть благо человѣчества!—Сей же духъ ревности оживляетъ и отличаетъ сочиненія великихъ Геніевъ. Если-бы можно было извлечь его, на прим., изъ Менделъзоновыхъ Философическихъ Писемъ, или Иерусалемовой книги о Религіи, то въ первыхъ осталось бы одно схоластическое мудрованіе, а во второй обыкновенные догматы Теологіи; но одушевляемыя симъ огнемъ, возвышаютъ онѣ душу читателя.—

Платнеръ говоритъ такъ свободно, какъ-бы въ своемъ кабинетѣ, и очень пріятно. Всѣ, сколько я могъ видѣть, слушали съ великимъ вниманіемъ. Сказываютъ, что Лейпцигскіе Студенты никого изъ профессоровъ такъ не любятъ и не почитаютъ, какъ его.—Когда онъ сошелъ съ кафедры, то ему, какъ Царю, дали просторную дорогу до самыхъ дверей. „Я никакъ не думалъ васъ здѣсь увидѣть“—сказалъ онъ мнѣ—„а если-бы зналъ, что вы сюда придете, то велѣлъ-бы приготовить для васъ мѣсто“. Онъ пригласилъ меня къ себѣ послѣ обѣда, и сказалъ, что хочетъ ужинать со мною въ такомъ мѣстѣ, гдѣ я увижу нѣкоторыхъ интересныхъ людей (стр. 117—120).

Юля 16-го Карамзинъ въ назначенный часъ пришелъ къ Платнеру. „Вы, конечно, поживете съ нами“, сказалъ онъ, посадивъ меня.—„Нѣсколько дней“, отвѣчалъ я.—„Только? А я думалъ, что Вы пріѣхали *пользоваться* Лейпцигомъ. Здѣшніе ученые сочли бы за удовольствіе способствовать вашимъ успѣхамъ въ наукахъ. Вы еще молоды, и знаете Нѣмецкой языкъ. Въмѣсто того, чтобы переѣзжать изъ города въ городъ, лучше вамъ пожить въ такомъ мѣстѣ, какъ Лейпцигъ, гдѣ многіе изъ Вашихъ единоплеменцевъ искали просвѣщенія, и надѣюсь, не тщетно“.—„Я почелъ бы за особенное щастіе быть вашимъ ученикомъ, Г. Докторъ, но обстоятельства, обстоятельства“... „И такъ мнѣ остается жалѣть, если они не позволяютъ вамъ на сей разъ остаться съ нами“.

Онъ помнитъ К(утузова), Р(адищева) и другихъ русскихъ которые здѣсь учились. „Всѣ они были мои учениками“, сказалъ онъ, „только я былъ тогда еще не то, что теперь“. — „По крайней мѣрѣ ваши „Афоризмы“ еще не были изданы“....

И въ самую ту минуту, какъ я, упомянувъ объ „Афоризмахъ“, хотѣлъ просить у него объясненія на нѣкоторыя мѣста изъ нихъ, пришли къ нему съ Университетскими дѣлами. Онъ отправляетъ должность Ректора ¹⁾. — У меня немного свободного времени“, сказалъ онъ, „однакожь вы должны нынѣ со мною ужинать. Въ восемь часовъ велите себя проводить въ трактиръ *Голубого Ангела*“ (стр. 121—122).

Въ этомъ трактирѣ „избранные Лейпцигскіе ученые ужинали вмѣстѣ одинъ разъ въ недѣлю и проводили вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ“ (стр. 124).

Въ 8 часовъ вечера Карамзинъ явился на ужинъ, гдѣ Платнеръ представилъ его ученой братіи (стр. 122). „Платнеръ за ужиномъ игралъ первую роль, то есть онъ управлялъ разговоромъ. Если вообще справедливо укоряютъ нѣмецкихъ ученыхъ нѣкоторою неловкостью обращенія, то, по крайней мѣрѣ, докторъ Платнеръ (и, конечно, вмѣстѣ съ многими другими) долженъ былъ исключенъ изъ сего числа. Онъ самый свѣтскій человѣкъ: любитъ и умѣетъ говорить; говорить смѣло, для того, что знаетъ свою цѣну (стр. 123).

Юля 19 передъ отъѣздомъ изъ Лейпцига Карамзинъ получилъ отъ Платнера записку, „въ которой изъясляетъ онъ свое желаніе, чтобы я когда-нибудь пожелъ въ Лейпцигѣ долѣе и подаль ему случай *заслужить мою благодарность*“ (стр. 132).

---

¹⁾ Декана медицинскаго факультета (см. выше, стр. 66).

Кромѣ Платнера, обогащавшаго умъ историко-филологическими и естественнонаучными свѣдѣніями, и дававшаго логическую выправку, у русскихъ студентовъ завелся еще одинъ „властитель думъ“—*Гельвецій*. О сочиненіи Гельвеція *De l'esprit* и объ его отношеніи къ труду Радищева (который въ значительной степени является его опроверженіемъ) будетъ у насъ рѣчь ниже. Съ Гельвеціемъ познакомилъ нашихъ студентовъ проѣзжіи русскій вельможа. Насколько Гельвецій былъ въ модѣ среди русской знати, доказываетъ статья *А. Рачинскаго*: „Русскіе цѣнители Гельвеція въ XVIII вѣкѣ“ (по документамъ Московскаго Главнаго Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ) ¹⁾. Оказывается, что самый рѣзкій (посмертный) трудъ Гельвеція *De l'Homme, de ses facultés intellectuelles et de son éducation* появился въ свѣтъ, благодаря стараніямъ двухъ знатныхъ русскихъ, князей Голицинныхъ: вице-канцлера Императрицы Екатерины II и посланника ея въ Гаагѣ, Дм. Александровича ²⁾. Сочиненіе даже предполагали посвятить Императрицѣ.

Радищевъ рассказываетъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ Гельвеціемъ такъ:

„Нѣкто (имя его утаю, дабы не произвести въ лицѣ его

---

¹⁾ Русскій Вѣстникъ, за 1876 г., т. 123, май, стр. 285—302.

²⁾ Стр. 296.

краски стыда, или блѣдности раскаянія), нѣкто въ проѣздѣ свой чрезъ Лейпцигъ оказывалъ отличное уваженіе къ Федору Васильевичу (*Ушакову*) и хотѣлъ снискать его дружбу¹⁾. Признаться надлежитъ, что Θ... присутствіемъ своимъ въ Лейпцигѣ и обхожденіемъ своимъ съ нами возбудилъ какъ въ Θ. Вас-чѣ, такъ и во всѣхъ насъ великое желаніе къ чтенію, давъ намъ случай узнать книгу *Гельвеціеву о Разумѣ*. Θ... тоlikое пристрастіе имѣлъ къ сему сочиненію, что почиталъ его выше всѣхъ другихъ; да другихъ, можетъ быть, и не зналъ. По его совѣту Θ. В. и мы за нимъ читали сію книгу, читали со вниманіемъ, и въ оной мыслить научились. Лестна всякому сочинителю похвала иногда и невѣжды, но *Гельвецій*, конечно, равнодушно ее не принялъ, узнавъ, что цѣлое общество юношей въ его сочиненіи мыслить училося²⁾. Въ семъ отношеніи сочиненіе его не малую можетъ всегда приносить пользу».

---

¹⁾ Житіе Ушакова, ч. I, стр. 58 (Собр. ост. соч. Радищева, ч. V).

²⁾ Г. Г р и м ъ, въ бытность свою въ Лейпцигѣ, извѣщенъ будучи, съ какимъ прилежаніемъ мы читали Гельвеціеву книгу о Разумѣ, по возвращеніи своемъ въ Парижъ сказывалъ о семъ Гельвецію (Прим. Радищева, стр. 60—61).

Переходимъ къ изложенію содержанія труда Радищева, которое сдѣлано у насъ довольно подробнымъ въ виду того, что это сочиненіе почти совершенно неизвѣстно въ литературѣ, а самое изданіе чрезвычайно рѣдко. Хотя языкъ Радищева нельзя не признать устарѣлымъ, но мы умышленно старались, по возможности, сохранить особенности стиля, дабы дать образчикъ философскаго слога русскихъ книгъ XVIII в. и въ частности стиля самого Радищева, о которомъ господствуютъ разнообразныя мнѣнія ¹⁾. Кромѣ того, мы попутно старались отмѣчать (для историковъ литературы) все достопримѣчательное въ его сочиненіи по части сентиментальнаго направленія, современныхъ ему литературныхъ вкусовъ и т. д.

---

¹⁾ Сухомлиновъ, стр. 659. 660.